

РОКОВЫЕ ГОДЫ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

14. — ПОЛОЖЕНИЕ В НАЧАЛЕ 1906 ГОДА. — НАСТРОЕНИЯ ПАРТИЙ ПЕРЕД ВЫБОРАМИ. — ПАРТИЯ К. Д. НА ВТОРОМ СЪЕЗДЕ. — НЕОЖИДАННЫЙ УСПЕХ НА ВЫБОРАХ. — ТРЕТИЙ СЪЕЗД К. Д. — «ХОЛОДНЫЙ РАСЧЕТ» И ГОРЯЧИЯ НАСТРОЕНИЯ. — ДЛЯ РАЗЪЕДА — «ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ».

Обострение политической борьбы в концѣ 1905 года привело к одному положительному результату. Безформенное и неорганизованное до тѣх пор общественное мнѣніе, подчинявшееся, уже поэтому, фактическому руководству наиболѣе активных элементов, теперь — особенно в виду поставленной перед ним конкретной задачи выборов в Г. Думу — стало распределяться по политическим партиям. «Союзы» 1905 года, спѣшно с'организованные по профессиональному признаку, были слишком пестры по политическому составу — и тоже оказались в руках монополярной центральной организации «Союза Союзов», в которой возобладало влияние с. д.-большевиков. Политическія партіи, напротив, объединяли своих членов по однородности их политических взглядов и социальных интересов, связывая их дисциплиной и обязательной программой, но зато возвращая себѣ свободу маневрирования. Все это — элементарныя предпосылки серьезной политической борьбы; но тогда онѣ были новы и с трудом усваивались даже сознательными общественными дѣятелями, впервые вступавшими на политическое поприще. В частности, и мнѣ пришлось встрѣтиться с этим упорным психологическим препятствіем.

Вмѣстѣ с образованіем партій разбился и единый фронт революціонных настроеній, правда, и до тѣх пор довольно иллюзорный. На смѣну явился длинный спектр политических организаций — от крайних правых — до крайних лѣвых. Общей их чертой, на первое время, было только то, что, спѣшно сколоченныя, онѣ еще

не успѣли связаться с низами и представляли ряд главных штабов — без армій. Выборная кампанія должна была дать сильнѣйшій толчок для выясненія партійныхъ симпатій масс. В этомъ заключалось ея важное политическое значеніе. Избирательное положеніе 11 декабря, при извѣстной приподнятости политическихъ настроеній в странѣ, не могло служить для этого безусловнымъ препятствіемъ. Несмотря на то, что вмѣшательство правительства в дѣятельность партій должно было помѣшать свободному из'явленію воли избирателей, настроеніе масс могло парализовать это вмѣшательство. Весь правый сектор политическихъ партій, искусственно созданный самимъ правительствомъ, былъ заранѣе дискредитированъ в массахъ. Положеніе «либеральнаго» центра также не казалось особенно выгоднымъ, тѣмъ болѣе, что центр этотъ не представлялъ сплоченнаго единства. Старые идейные вожди интеллигенціи проявили непривычку къ коллективному дѣйствию; индивидуальныя взгляды среди нихъ настолько преобладали, что вмѣсто слянія в одну большую партію они разбились по кучкамъ и образовали ряд замкнутыхъ политическихъ клубов, которые никакого вліянія на ход политической жизни в странѣ имѣть не могли. Партія народной свободы представляла исключеніе; но она казалась этимъ интеллигентамъ — то слишкомъ радикальной, то, напротив, слишкомъ умѣренной. От нея теперь зависѣло — выйти за предѣлы этихъ интеллигентскихъ настроеній. Не получая должной поддержки для этого в рядахъ своихъ естественныхъ союзников, она получила неожиданную поддержку противниковъ в неисправимомъ доктринерствѣ.

Провал революціонной тактики конца 1905 г. былъ для нихъ тяжелымъ урокомъ. Казалось, нетрудно было понять его смысл. Минорное настроеніе побѣжденныхъ социалистическихъ партій в первый моментъ сказалось в рѣшеніи собрать «объединительный с'ѣздъ» большевиковъ и меньшевиковъ для обсужденія дальнѣйшаго поведенія. Этотъ с'ѣздъ и состоялся в Стокгольмѣ, в апрѣлѣ 1906 г., и центральной темой его, естественно, сдѣлался вопросъ об отношеніи къ выборамъ в Думу. При болѣе дисциплинированности социалистическихъ партій, при лучшей организаціи, при существовавшихъ уже связяхъ с низами онѣ, конечно, могли бы получить преобладающее вліяніе на выборахъ. Но ихъ, прежде всего, останавливалъ вопросъ — по традиціи от Булыгинской Думы — слѣдуетъ ли вообще принимать в выборахъ участіе — и в какой мѣрѣ — или, наоборот, сохранить тактику бойкота. Тут, вмѣсто «объединенія», получилось

опять расхождение между большевиками и меньшевиками. Вожди меньшевиков, Аксельрод, Плеханов, доказывали на с'ѣздѣ ошибочность тактики, основанной на идеѣ захвата власти пролетаріатом при помощи побѣдоносной революціи. Они весьма разсудительно утверждали, что в Россіи революція может быть только «буржуазно - демократической», что надо примириться с неизбежностью этого историческаго этапа и не бороться с «либералами» и «капиталистами», а, напротив, их поддерживать. Большевики, несмотря на кое - какія колебанія самого Ленина, остались при своем старом отрицаніи парламентской борьбы, при своей, правда, нѣсколько подогрѣтой вѣрѣ в непосредственное торжество революціи и при непоколебимой увѣренности, что «либералы» навѣрное «предадут», заключив преждевременное соглашеніе с правительством о «портфелях». Тут, конечно, сыграло роль и нежеланіе подорвать свой престиж перед массами признаніем в ошибочности тактики вооруженнаго возстанія. Меньшевики, все-же, получили большинство на с'ѣздѣ — тѣм болѣе, что ошибочность тактики бойкота в апрѣлѣ уже была вполне подтверждена исходом выборов. Но, практически, большевистская тактика возобладала.

Во всяком случаѣ, для партіи народной свободы перспективы избирательной кампаніи складывались неожиданно благоприятно, именно благодаря широко распространенной в лѣвых кругах тактикѣ бойкота. В ея пользу говорило и то, что всѣ ея предсказанія относительно неудачи крайней революціонной тактики вполне оправдались и революціонные эксцессы только послужили на пользу реакціи. Сочувствіе к партіи выразилось в быстром ростѣ ея сторонников в связи с энергичной работой цѣлой сѣти ея провинціальных отдѣлов. В январѣ 1906 г. в партіи числилось около 100.000 зарегистрированных членов. С отказом соперников слѣва от активнаго участія в думских выборах, партія оставалась в роли самых лѣвых в легальной борьбѣ, единственно доступной для массоваго избирателя. Однако же, в рядах самой партіи еще господствовал большой разнобой. «Освобожденческая» лѣвизна продолжалась в ней сильно сказываться. А, с другой стороны, в нее вошли и поправѣвшіе элементы из земцев, напуганных аграрными пожарами и правительственной реакціей.

Даже формально партія не могла считать себя окончательно организованной, в виду больших пробѣлов представительства на учредительном октябрьском с'ѣздѣ. Оба крайніе фланга должны

были или уйти или быть притянуты к центру, чтобы партія могла получить свое собственное лицо. Задача была нелегкая. Оба крыла выступили уже и в печати, проводя свои отгѣнки партійных настроеній. С декабря 1905 г. и в теченіе всей выборной кампаніи выходила «Полярная Звѣзда»: в вступительной статьѣ редактор Струве об'явил очередной задачей политики — «оторвать конституціонную монархію от бюрократіи» и устроить «соглашеніе» между нею и «націей», создав «общественное министерство». Эта идиллія или запоздала или была преждевременна. Рядом со Струве, в другой редакціонной статьѣ С. Франк противопоставил «политику» ея остальным проблемам «тактики» — «идеям» и «вѣчным идеалам». Здѣсь уже проявлялось общее направленіе извѣстнаго сборника «Вѣхи», появившагося тремя годами позже (1908), и вырисовывалась идеологія праваго теченія внутри партіи. С другой стороны, с самаго начала 1906 г. появился под редакціей С. Н. Прокоповича и орган части «освобожденцев», оставшихся влѣво от партіи: еженедѣльник «Без Заглавія». Критика бывших единомышленников — часто по-«лѣвому» язвительная или ироническая — преобладала здѣсь над собственными программными или тактическими заявленіями. Когда же партія к.-д. получила успѣх на выборах, критика смѣнилась пред'явленными к партіи требованіями («Побѣда обязывает», статья Богучарскаго в № 11) и проектом организовать крестьянство в странѣ для поддержки думских трудовиков (Кускова, № 13). С февраля 1906 г. начал издаваться и собственный орган партіи «Рѣчь».

С конца 1905 г. или с начала 1906 г. политическая моя работа требовала постоянного присутствія в одной из столиц. Не стѣсняемый болѣе полицейскими запретами, я переѣхал из ст. Удѣльной в Петербург и занял комнату в одном из маленьких отелей около Невскаго. Разсчитывая пройти в Г. Думу по квартирному цензу, я нанял также квартиру для всей семьи, но ее надо было отремонтировать, и, в виду приближенія срока выборной кампаніи, этот ценз не обѣщал дать того формальнаго права, которое требовалось по положенію 11 декабря 1905 г. Мнѣ пришлось за эти мѣсяцы также возобновлять поѣздки по провинціи для предвыборной агитаціи. Желѣзнодорожное сообщеніе еще не было урегулировано; расписаніе нарушалось постоянно, и поѣзда были переполнены солдатами. В такой обстановкѣ на промежуточной станціи «Великія Луки» я познакомился с моей будущей женой, Н. В. Лав-

ровой. Она ѣхала от родственников к мужу, инженеру — строителю Сибирской ж. д. На станці цѣлую ночь пассажиры ждали поезда, сидя на полу, на багажѣ. Я помог Н. В. устроиться в вагонѣ и утром, назвав себя, с ней простился. Мимолетная встрѣча, как оказалось потом, произвела впечатлѣніе на нас обоих.

Главной моей задачей было теперь — подготовить, в согласіи с центральным комитетом, тактическій доклад для второго партійнаго сѣзда, который должен был собраться 5 - 11 января, чтобы довершить дѣло идеологии, тактики и организаціи партіи. Необходимо было пересмотрѣть и утвердить окончательно партійную программу, но, главное, установить отношеніе партіи к предстоящей избирательной кампаніи в первую Думу. Политическое положеніе, как только что сказано, оставалось сложным; настроенія внутри партіи — и даже ея состав — не вполне выяснились; и справа и слѣва за нею зорко слѣдили настоящіе и будущіе соперники и противники; в интеллигентских кругах ея политическая позиція — которую уже связывали с моим личным руководством, — представлялась своего рода измѣной традиціи; лѣвыя настроенія были сильны и внутри партіи. Соціалистическія партіи чувствовали опасность именно отсюда и с особенной рѣзкостью обрушивались на партію, особенно на ея правое крыло. А правительство Витте и Дурново начало рѣшительное преслѣдованіе партіи, постепенно усиливавшееся на выборах и временно пріостановленное лишь выборным успѣхом партіи — в ожиданіи того, какое положеніе партія займет в Г. Думѣ в качествѣ руководящей группы.

«В силу своей политической вѣры, партія считает главной ареной для своей дѣятельности организованное представительное собраніе». Так звучала чеканная фѳормула М. М. Винавера. На мою долю выпало, в противоположность большевистским утвержденіям, что выборы будут фиктивные, а Г. Дума окажется послушным правительственным орудіем, сосредоточить все вниманіе и всю энергію партіи именно на выборах, и, не предрѣшая их результата, доказать положительное значеніе участія партіи в выборах и в Г. Думѣ. Идя навстрѣчу лѣвым настроеніям в самой партіи, я, прежде всего, отдѣлил тему о выборах от темы о Думѣ, чтобы доказать — на этот раз в согласіи с меньшевиками, — что выборы сами по себѣ являются могущественным агитаціонным и организаціонным средством и что они имѣют особенное значеніе именно для партіи, которая цѣль своей дѣятельности видит в ле-

гальной парламентской борьбѣ. Вторая тема была сложнѣе: предрѣшать, каков будет исход выборов, было невозможно, а от этого зависѣло и окончательное установленіе нашего отношенія к Думѣ. Тут я хотѣл передать партіи мое собственное настроеніе: — что излишній пессимизм преждевременен и что, каково бы ни было правительственное давленіе на выборы, перспективы вовсе не безотрадны. В случаѣ пораженія, говорил я, партіи предстоит «благопріятная роль — политической оппозиціи». Но поражение вовсе не обязательно. Шансы успѣха на выборах быстро мѣняются в нашу пользу по трем причинам: «1) правительство использовало свою побѣду неумѣло; 2) выборы были отложены и 3) правья партіи показали свой истинный цвѣтъ». Если послѣ провала вооруженнаго возстанія правительство могло использовать обывательскій испуг, то отсрочка выборов дала возможность избирателям «оправиться от испуга», а раздраженіе правительственной реакціей снова возстанавливает оппозиціонное настроеніе в странѣ, «Расчеты на самодѣятельность общества и на силу революціи, на силу страха или силу энтузіазма могли бы оказаться невѣрными. Но до сих пор нас никогда не обманывал — напротив, превосходил всѣ наши ожиданія — расчет на правительственные ошибки».

С другой стороны, однако, слѣдовало, в ожиданіи возможнаго успѣха, приблизить еще болѣе нашу программу к реальным условіям борьбы — в том же направленіи, в котором начал это дѣлать ноябрьскій с'ѣзд партіи 1905 года. В виду тѣх же лѣвых настроеній эта задача была гораздо труднѣе — и ея выполненіе обрушило на партію грома друзей и противников слѣва. Если в ноябрѣ мы рѣшили, что «учредительная» работа нуждается в «утвержденіи государя», то на этот раз формула была развернута: «Россія должна быть конституціонной и парламентарной монархіей». Этим окончательно устранялась борьба за «демократическую республику». Соответственно этому нужно было опредѣлить и значеніе «учредительнаго собранія», уже замѣннаго в ноябрѣ «думой с учредительными функціями». На с'ѣздѣ было внесено предложеніе — вернуться к требованію созыва учредительнаго собранія вмѣсто Думы. Мнѣ пришлось дать справку, что «вводя термин учредительнаго собранія, мы во всяком случаѣ не думали об обезпеченном полнотой суверенной власти собраніи». С'ѣзд отверг предложеніе 137 голосами против 80-ти. Но, в виду значительнаго меньшинства, «мѣстным группам» была «предоставлена

свобода в употребленіи *терминологіи* — той или другой, считая, послѣ раз'ясненій, самые термины безразличными.

Уточняя терминологию, с'ѣзд, однако, продолжал считать «учредительную» дѣятельность Думы — главной ея задачей. Сюда входило, прежде всего, обязательно измѣненіе избирательнаго закона и законодательное оформленіе обѣщанных манифестом 17 октября гражданскихъ свобод. Новая трудность возникала тут с вопросом, должна - ли Дума ограничиться только этим и потребовать своего роспуска, — мнѣніе, которое тогда было очень популярным, — или слѣдуетъ поставить на очередь думскихъ работ и другія законодательныя задачи, объединявшіяся тогда под неудачным, придуманнымъ правыми партіями, термином «органической работы». С'ѣзд, прежде всего, единогласно отверг «органическую работу» в Думѣ, «как в нормальномъ учрежденіи». Но рядом с этимъ возникалъ вопрос, какъ быть, напр., с аграрнымъ вопросом, постановки котораго на ближайшую очередь ждало все крестьянство, для этого и шедшее в Думу. С'ѣздъ отвѣтил и на это громаднымъ большинствомъ (91 противъ 4, при 7 воздержавшихся), включивъ, «кромѣ избирательнаго закона, также законодательныя мѣропріятія безусловно неотложнаго характера, необходимыя для успокоенія страны». Дальше ставился вопрос, слѣдуетъ - ли перечислять эти неотложныя мѣры. Большинство 73 с'ѣздъ отвѣтил отрицательно. Но Струве и Родичев внесли тогда свое предложеніе — развить хотя бы мотивы перечисленія: «Партія не может с точностью указать предѣлы ея участія в законодательной дѣятельности Думы, ибо они должны быть указаны самымъ ходомъ жизни. Партія можетъ только указать свои ближайшія цѣли — разрушеніе бюрократическаго деспотизма и установленіе демократической конституціи россійской имперіи на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права с прямымъ и закрытымъ голосованіемъ». Дальше слѣдовала контрабанда: «при осуществленіи этихъ цѣлей партія не можетъ не поставить в своей платформѣ тѣхъ реформ, настоятельная необходимость которыхъ указывается самой жизнью, в томъ числѣ реформы земельной, рабочей, и удовлетворенія справедливыхъ національныхъ требованій». Принципіальная линія разграниченія здѣсь стиралась, и Ф. Ф. Кокочкинъ постарался возстановить ее, подчеркнувъ границу между первой и второй очередью: *обязательствомъ*, которое принимала на себя партія передъ избирателемъ провести всеобщее избирательное право и свободы, послѣ чего

должен стать на очередь роспуск Думы и новые выборы, — и *планом* дальнѣйших дѣйствій. В этом видѣ формула Струве - Родичева, с поправкой Кокшкіна, была принята, хотя и заключала в себѣ внутреннее противорѣчіе и больше характеризовала личные взгляды авторов. Распространеніе «органической работы» на другія реформы, поставленныя на очередь «самою жизнью», конечно, напрашивалось само собой, хотя и ставило Думу на положеніе «нормальнаго учрежденія». Это выходило за предѣлы тогдашней идеологіи партіи и окончательно разрывало бы с «лѣвой» доктриной. Без того или другого соглашенія с правительством, длительная работа Думы была вообще невозможна, а Дума представлялась всѣм нам, как орган борьбы с властью, а не орган сотрудничества. Сам Струве вѣдь говорил о «разрушеніи бюрократическаго деспотизма». Это былъ путь не идилліи, а трагедіи первой Думы.

Конечно, наш план дѣятельности в Думѣ, при всѣх оговорках и ограниченіях, оставался отрывком, частью общаго революціоннаго наступленія, уже потерпѣвшаго крах в декабрѣ. Без поддержки извнѣ осуществить этот план было явно невозможно. В своей части тактическаго доклада Винавер ставил и этот вопрос. «Всю свою силу», говорил он, «партія полагает в возможно широкой организаціи общественнаго сознанія всѣми возможными средствами пропаганды и агитаціи». Цѣлью агитаціи должно было быть «возстановленіе вѣры в ту силу, при помощи которой с ноября 1904 г. двинулась вся волна освободительнаго движенія, в вѣру в то, что будить умы и укрѣплять волю в широких общественных кругах есть *дѣло*, а не *слова*, — вѣру, которая под вліяніем настроенія момента как будто начинает умирать». Было, конечно, извѣстно, какая сила подняла «волну». Краснорѣчіе Винавера ориентировало партію в обратном направленіи с желаніями Струве; и было плохим признаком, что доклад Винавера подвергся усиленным нападкам именно слѣва, — в иронической статьѣ Гр. Ландау и фанатически - непримиримой статьѣ гр. Павла Толстого в сборникѣ «Без заглавія».

Как бы то ни было, партія на втором с'ѣздѣ не хотѣла ни того, ни другого пути. Источник силы она находила в самой себѣ и, вопреки опасеніям центральнаго комитета, оказалась очень однородной по взглядам, увѣренно — и дѣловито — настроенной. Подводя итоги с'ѣзда, я мог сказать, что тут «партія нашла самое се-

бя, почувствовала в себѣ наличность коллективной мысли и воли. «Это чувство солидарности и сознание каждым цѣнности самаго факта принадлежности к большому цѣлому явилось на с'ѣздѣ чувством новым, появленія котораго мы давно и нетерпѣливо ждали и с восторгом привѣтствуем». Я сравнил его с «крещеніем корабля» Киплинга. Теперь «корабль» мог смѣло двинуться в путь.

Я не упомянул бы тут эпизода о выходѣ из партіи послѣ второго с'ѣзда кн. Евгенія Н. Трубецкого, если бы этот характерный эпизод не подчеркнул особенно ясно разницы между «своими» и «чужими». Упреки, посланные нам печатно кн. Е. Н. Трубецким, были противорѣчивы и софистичны, они тут же были опровергнуты И. И. Петрункевичем, П. Б. Струве, В. Е. Якушкиным и мной. Но они произвели впечатлѣніе не причин, а предлогов к выходу. Истинной причиной был демократизм партіи. Кн. Трубецкой упрекал нас, что, вводя в программу монархію, мы не были монархистами «по убѣжденію». Он вызвал этим то мое возраженіе о принципиальном безразличіи форм правленія самих по себѣ, — на которое до сих пор кое-кто ссылается, но теперь уже в пользу монархіи!.. Кн. Трубецкой был против нашего «соціализма», скрытаго в аграрной программѣ. Он был против партійной дисциплины во имя личной свободы и ловил нас на противорѣчїях и колебанїях, которыя были отчасти налицо, но оставались слѣдами нашего поступательнаго движенія. Он вступил в партію, когда она была пестрой по настроенїям и составу — и уходил, когда она стала единой. Он уходил из «партіи» в один из «клубов» и тѣм просто устранился от практической политики. Не будучи сторонником философских взглядов братьев Трубецких — наслѣдія славянофилов и Вл. Соловьева, — я очень цѣнил высокій строй их личной морали и искренность убѣжденій, особенно Сергѣя Н. Трубецкого, и доказал это некрологом, посвященным послѣднему. Но я понимал и трудность их прїобщенія к содержанію и темпу нашей политической борьбы. С. Н. перенес стоически эту трудность — и пал ея жертвой. Е. Н. не мог вынести бурнаго темпа борьбы; его уход был бы вполне естественен, если бы он не попытался переложить вину на других. С ним отпадал от нас цѣлый слой русской общественности. Но он никогда и не был нашим.

На пути своего кадетскаго самоопредѣленія я испытал и болѣе тяжелое чувство — расхожденіе с моими близкими друзьями - народниками типа «Русскаго Богатства». Маякотин и особенно Ан-

женскій поразили меня непримиримостью своей проповѣди бойкота Думы. Я скорѣе даже понимал главных наших противников, с. д-ков, особенно меньшевиков. При всей абстрактности их доктрины, они все-же претендовали на немедленную перестройку жизни, вмѣшивались в гущу русской дѣйствительности, могли каждый день мѣнять свою тактику, сохраняя единство цѣли. Нѣкоторые — и очень серьезные — аргументы вождей меньшевизма шли параллельно с нашими собственными, и мнѣ в тѣ самые мѣсяцы случилось хвалить Плеханова за его статьи в «Дневникѣ социал-демократа». И их отношеніе к бойкоту Думы было далеко не безусловным. Народников я просто перестал понимать, хотя они были ко мнѣ гораздо ближе. Через аграрный вопрос народническая идеологія вливалась к нам в партію довольно широкой струей, и с этой стороны обвиненіе нас в «соціализмѣ» Трубецким было для того времени — не совѣм безосновательным. Зато мы могли ожидать — как раз при содѣйствіи народников — сочувствія к нам крестьянства. Тут, во всяком случаѣ, лежал один из путей широкой борьбы. И в этот момент мои друзья об'являли непримиримый бойкот, проявляя этим полное непониманіе положенія, продолжая вѣрить в изжитія, казалось, иллюзіи и уходя от предстоявшаго боя куда-то в сторону. А аграрный вопрос, от них же нами полученный, грозил сдѣлаться основной причиной нашего политическаго крушенія — без их помощи.

В январѣ - февралѣ 1906 г. все это было еще далеко и неясно. Мы, партія народной свободы, во всяком случаѣ, смѣло и бодро бросились в бой. Вездѣ на мѣстах, в избирательных собраніях провинціи, нас ожидала огромная работа. С мѣст приходили извѣстія, все болѣе многочисленныя, о насильственных мѣрах правительственнаго воздѣйствія; наши сочлены, один за другим, становились их жертвами; мы открыли пружины, дѣйствовавшія из центра, протестовали, получали уклончивыя раз'ясненія, включал заявленіе Витте, что приписываемый ему «взгляд на необходимость парализовать дѣятельность к.-д. партіи лишен всякаго основанія». Но преслѣдованія продолжались, что, в лучшем случаѣ, доказывало устраненіе самого Витте от вліянія на выборы. Если не он, то кто-же, спрашивали мы: Дурново? Трепов?

С февраля у нас уже была возможность ставить эти вопросы ежедневно. Появился, наконец, на свѣт орган партіи — и соответствующаго общественнаго теченія — газета «Рѣчь». Солидно фи-

нансировал газету инженер Бак; это был уже не Проппер с его «Биржевой». Бак преслѣдовал чисто идейныя соображенія, нам вѣрил, в редакціонныя — и даже в денежные — дѣла газеты не мѣшался. Нашим казначеем стал И. И. Петрункевич, редакторами мы были вдвоем с І. В. Гессеном, а я сдѣлался почти безсмысленным передовиком. Мои политическія статьи этого времени и времени первой Думы наполнили потом, в собранном видѣ, многія сотни страниц в сборникѣ «Год Борьбы», на который мнѣ приходится и еще придется часто ссылаться. Кто хочет ощутить лихорадочное бѣненіе пульса этого года, может перечитать их теперь: это не исторія, а ежедневная запись, замѣняющая дневник. Злоупотребить ею для этих воспоминаній я во всяком случаѣ не могу уже по обилію этого матеріала, притом исключающаго интимность.

Не могу, поэтому, и описать подробно, как, день за днем, неожиданно для нас самих, мѣнялась политическая декорачія выборов. Мы вѣдь шли на худшее, и преслѣдованія правительства, отнюдь, не могли внушить нам оптимизма. Мы могли только наблюдать и заносить в нашу хронику подвиги Реннекампа и Римана, Абрамова и Жданова, адмирала Чухнина, цензора Соколова и т. д. Но... уже в началѣ марта стали получаться департаментом полиціи из провинці «тревожныя вѣсти». Сбывалось то, о чем мнѣ неоднократно приходилось говорить с декабря 1905 г. «Страх перед революціей проходил». Правда, выборы уполномоченных от крестьян и рабочих на первичных собраніях шли вяло, с большим абсентеизмом. Ни правительственное воздѣйствіе, ни лѣвая пропаганда до этих низов дойти еще не успѣли. Но крестьяне знали, чего они хотѣли. Рабочіе мало сообразовались с приказаніями партіи с. д. о бойкотѣ. Слабо реагировала и курія мелких землевладѣльцев, предпочитавшая, все же, «своих» — особенно священников. К срединѣ марта, однако же, эта картина стала мѣняться. Раньше всяких партійных вліяній общее неопредѣленно - оппозиціонное настроеніе масс, с одной стороны, и черезчур прозрачный нажим правительства, с другой, опредѣляли политическую окраску выборов. На слѣдующей ступени — на собраніях выборщиков — началась борьба партійных списков, настроеніе в пользу к. д. начало опредѣляться, — и офиціоз Витте принялся - было в благопріятном смыслѣ обсуждать результат нашей побѣды. Разсужденія о созданіи «министерской партіи» были отложены в сторону. Безспорные триумфы к.-д. в Петербургѣ и в Москвѣ во вторую поло-

вину марта вызвали на страницах «Русскаго Государства» лести-
вые поздравленія с «наступающей весной», лирическіе призывы к
«любви» и «забвенію», привѣтствія «желанным гостям» в Думѣ,
«если они придут не с революціонными намѣреніями». Мы на все
это реагировали очень холодно, и с начала апрѣля, помимо злоб-
ных криков побѣжденных партій, слышались и со столбцов офи-
ціоза угрожающіе тона. Или представители к. д. «поправѣют» в
Думѣ и измѣнят своей программѣ, или же... Тут слѣдовали злорад-
ныя предсказанія — со стороны партій, если Дума «дискредитиру-
ет себя» умѣренностью, и со стороны правительства, — если она
дискредитирует себя радикализмом. Не хотѣли только дѣлать пря-
мых выводов из подлинных взглядов партіи. Мы говорили: «Борь-
ба не может кончиться. Но от правительства зависит — ввести ее
в культурныя рамки». Мы напоминали, что манифест 17 октября
предоставлял дальнѣйшее развитіе избирательнаго права сужде-
нію Думы, Думѣ же принадлежит изданіе законов о «свободах»
взамѣн «временных правил» правительства Витте. Слѣовательно,
Дума должна и может заняться «учредительной» работой. Но,
вразрѣз ей, уже готовился «конституціонный акт» сверху, чтобы
предупредить попытки провести его парламентским путем. Редак-
ція «Рѣчи» имѣла возможность добыть этот проект «основных за-
конов» из частнаго источника, напечатала его и раскритиковала.
За недѣлю до созыва Думы было перемѣнено министерство: граф
Витте был уволен, успѣвъ заключить для правительства заем в Па-
рижѣ. Его мѣсто занял Горемыкин, с совершенно опредѣленными
заданіями, которыя, впрочем, стали нам извѣстны только позднѣе.
Вмѣстѣ с тѣм рухнули всѣ правительственныя предположенія и
приготовленія к болѣе или менѣе приличной встрѣчѣ с Думой. По
поводу займа очень много говорилось о противодѣйствіи ему со
стороны нѣкоторых членов партіи к.-д., находившихся в тѣ дни в
Парижѣ — больше для туризма, чѣм для политики. Послѣ огла-
шенных в печати заявленій В. А. Маклакова и покойнаго Павла
Дм. Долгорукова по этому вопросу, я не буду его здѣсь касаться.
Мои собственныя статьи были направлены против своевременно-
сти заключенія займа перед самым созывом Думы. Но мы рѣши-
тельно отвергали проект признанія займа, заключеннаго хотя бы
и нежелательным правительством.

Итак, послѣ блестящаго исхода выборов Дума, еще не собран-
ная, уже стояла перед возможностью (неизбѣжность была тогда

еще неясна) конфликта и роспуска. Под этой нависшей угрозой собрался третій с'ѣзд партіи, долженствовавшій рѣшить ея тактику в странном положеніи оппозиціи, очутившейся в большинство перед не хотѣвшим сдаваться правительством.

Положеніе было не только трудное. Оно было совершенно исключительное. В концѣ своего доклада я поставил вопрос, который должен бы был стоять первым — но тогда не было бы и самого доклада. «Должны-ли народные представители рассчитывать на революціонный или на парламентскій образ дѣйствій? В самой общей формѣ это есть вопрос о том, прекратилась-ли уже в Россіи революція—или еще продолжается?» Я предложил не рѣшать этого вопроса, ибо, «при возможной наличности в нашей собственной средѣ двух различных отвѣтов можно было ни к чему общему не придти». Одно это соображеніе показывало, что теперь положеніе складывалось совершенно иначе, чѣм три мѣсяца назад, перед выборами, когда партія чувствовала себя монолитной. Члены партіи и избранные члены Думы пріѣхали с мѣст с сознанием того, что они уже представляли не одну только свою партію, а то настроеніе в странѣ, которое ее выдвинуло на первый план при *самоустраненіи лѣвых партій*. Настроеніе это, конечно, было революціонным, хотя высшая точка, до которой дошла революціонная борьба, была уже позади, и, несмотря на новую вспышку настроенія, было ясно, что революція идет на убыль. В этом было несоотвѣтствіе принесеннаго из страны настроенія с оцѣнкой в центрѣ дѣйствительнаго положенія. В этом же состояла и трагедія первой Думы.

Центральный комитет это, разумѣется, понимал — и хотѣл избѣжать опасности прямого столкновенія двух неравных сил путем удержанія своей парламентской фракціи в руслѣ рѣшеній II-го с'ѣзда. Мой доклад искал пути — не столько избѣгнуть конфликта, который уже представлялся неизбѣжным, сколько создать для него обстановку, наиболѣе благоприятную для страны, Думы и партіи. Пусть страна остается судьей; но для ея сужденія надо дать матеріалы. А чтобы их приготовить, нужно было «быть в Думѣ», т. е. остаться там болѣе или менѣе продолжительное время и на это время избѣгать конфликта, предоставив его почин не Думѣ, а правительству. Эту тактику мы и хотѣли проводить в Думѣ — с тѣм или иным успѣхом, но и с сознанием неизбѣжнаго, нами предусматривавшагося финала. Единственным средством для достиженія этой цѣли было — начать с наиболѣе безопаснаго — с законо-

дательных предположеній о всеобщем избирательном правѣ и о свободах, что соответствовало и нашим партійным обязательствам. Далѣе слѣдовали дополнительные задачи, согласно резолюціи Струве - Родичева. Но нельзя было скрыть от себя и от собранія, что невралгическіе пункты лежали не здѣсь, а в расчетах с правительством и в столкновеніи с ограничивавшими права народных представителей формальностями закона. Мы предлагали «провести нашу законодательную работу в рамках (обязательных для Думы) Гос. Совѣта и Гос. Думы, изданныхъ учрежденій 20 февраля. Мы также предлагали ввести в рамки существующаго закона «проявленія народнаго негодованія» против администраціи. Я мотивировалъ возможность этого тѣм, что старые дѣятели, возбудившіе народное негодованіе, ушли вмѣстѣ с министерством, а новое министерство еще себя ничѣм не показало. В основѣ тут лежало, несомнѣнно, ошибочное представленіе о смыслѣ отставки Витте и назначенія Горемыкина. В этой же связи еще большей ошибкой доклада было утверждать, что первые шаги к проведенію нашего аграрнаго проекта сами по себѣ конфликта не вызовут. Все это было рассчитано на иное — прежнее — настроеніе партіи, а расчету этому оправдаться не было суждено.

Пренія полностью обнаружили расхожденіе настроенія сѣзда с осторожным тоном доклада и с его «холодным расчетом» плана тактических задач Думы. Почти всѣ говорившіе утверждали, что на выборах «побѣдила не партійная программа, а повышенное оппозиціонное настроеніе народа», что побѣду дала «вѣра в нашу стройность», что это обязывает нас «итти до конца, без компромиссов», «спокойно и увѣренно», ибо «народ нас поддержит». Правительство все равно не уступит; конфликта нечего бояться, потому что конфликт «уже существует», он «неизбѣжен»; он начнется «с первых же дней». А потому слѣдует просто игнорировать правительство, игнорировать и законы, изданные послѣ 17-го октября, игнорировать Государственный Совѣтъ, провести всю свою законодательную программу в формѣ «ультиматума» или «декларациі». Если же правительство не уйдет, то обратиться к народу «с званіем» о поддержкѣ. Наконец, если понадобится, — «умереть за свободу». Говорили же крестьяне своимъ избранныкамъ: «иди и умри там со славою, иначе умрешь здѣсь со стыдомъ». Но нѣтъ, утверждал Родичев, «Дума разогнана быть не может; с нами голос народа: сила Думы — в дерзаніи», и «сталкивающейся с народомъ».

будет столкнут силою народа в бездну». И Кизеветтер, тоже при «бурных аплодисментах», подтверждал: «если Думу разгонят, то это будет послѣдній акт правительства, послѣ котораго оно перестанет существовать».

На с'ѣздѣ с этими вспышками настроеній, почти не выливавшихся в опредѣленные практическія предложенія, можно было кое-как сладить; но было ясно, что такими же они перейдут и в Думу, и тогда, при занятой правительством позиціи, дѣйствительно, никакого конкретнаго плана дѣйствій составить было невозможно. Надо было предоставить это случаю и рѣшеніям парламентской фракціи, ограничившись самими общими постановленіями в духъ моего доклада, с небольшими поправками.

Дума открылась при самых бурных предзнаменованіях. В послѣднюю минуту с'ѣзд был оглушен «событіемъ чрезвычайной важности»: изданіем упомянутаго проекта давно намѣченной Вигте, октроированной «конституціи».

Мнѣ пришлось констатировать, что правительство этим путем «поставило всю политику своей власти под чрезвычайную охрану неприкосновенных для Думы «основных законов»; ими оно «покрыло все, что ставит преграды выраженію воли народных избранников». Я признался с'ѣзду, что в своем докладѣ, с согласія центрального комитета, я выкинул отдѣлъ о возможности этого покушенія, желая «быть осторожнымъ». «Теперь мы приобрѣли право быть рѣзкими... на этот обман народа мы должны отвѣчать немедленно». Передѣлывать весь мой доклад было поздно — и бесполезно. С'ѣзд принял проект резолюціи центр. комитета, которая квалифицировала акт правительства, как «открытое и рѣзкое нарушеніе прав народа, торжественно признанных за ним в манифестѣ 17 октября». Резолюція кончалась заявленіем, «что никакія преграды, создаваемые правительством, не удержат народных избранников от исполненія задач, которыя возложены на них народомъ». Это был уже стиль первой Думы; конфликт, дѣйствительно, начался до ея открытія. И все-таки, из рядов с'ѣзда раздался голосъ: «слабо, надо рѣзче; это не выражает нашего настроенія»... Родичев уговорил с'ѣзд принять резолюцію единогласно...

П. Милюков